

**Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств:
проблемы квалификации и их решение
(по материалам судебной практики)**

Кулаков Вячеслав Владимирович

*Дальневосточный филиал Российского государственного университета
правосудия*

Магистрант

Аннотация

В настоящей статье автор анализирует вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности». Анализ судебно-следственной практики позволяет указать на особую актуальность проблем, связанных с определением момента окончания данного преступления, с отграничением фальсификации доказательств от подделки официальных документов, злоупотребления должностными полномочиями, служебного подлога. Определенные сложности возникают при вынесении судами решений по делам, в которых фальсификация доказательств сопряжена с мошенничеством либо покушением на мошенническое завладение чужим имуществом. По результатам проведенного анализа автор статьи предлагает меры, которые позволят облегчить правоприменение по статье 303 УК РФ.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, действия по фальсификации документов, момент окончания преступления, совокупность фальсификации и служебного подлога, отграничение от смежных составов.

**Criminal liability for falsification of evidence: qualification problems and
their solution (on the materials of judicial practice)**

Kulakov Viacheslav Vladimirovich

Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

Master student

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problems of qualification of crimes provided for by Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation «Falsification of evidence and results of operational-search activities». The analysis of forensic practice allows us to point out the particular relevance of the problems associated with determining the moment of the end of this crime, with the delimitation of falsification of evidence from forgery of official documents, abuse of office, official forgery. Certain difficulties arise when courts make decisions in cases in which falsification of evidence is associated with fraud or an

attempt to fraudulently take possession of other people's property. Based on the results of the analysis, the author of the article proposes measures that will facilitate law enforcement under Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: falsification of evidence, actions to falsify documents, the moment the crime ends, the totality of falsification and official forgery, delimitation from related structures.

В целях охраны нормального порядка получения и использования доказательств в судебном процессе, Конституция РФ [1] в части 2 статьи 50 провозглашает, что осуществление правосудия с использованием доказательств, полученных в нарушение федерального закона, недопустимо. В связи с этим на сегодняшний день отечественным законодателем предпринята попытка обеспечить и защитить отношения по отправлению правосудия преимущественно путем расширения сферы уголовной ответственности за фальсификацию доказательств.

Статья 303 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) включает состав фальсификации доказательств по гражданскому, административному делу лицами, участвующими в деле, либо их представителями; фальсификации доказательств по делам об административных правонарушениях участниками производства по делам об административных правонарушениях, а равно фальсификации доказательств должностными лицами, уполномоченными на рассмотрение дел об административных правонарушениях, либо должностными лицами, уполномоченными на составление протоколов об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 303 УК РФ), а также фальсификации доказательств по уголовному делу следователями, дознавателями, прокурорами или защитниками (ч. ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ).

Дискуссионный характер имеет проблема, связанная с определением момента окончания данного преступления. В следственной практике нередко имеют место не оконченные преступления, приготовление к фальсификации доказательств. В связи с тем, что деяние, предусмотренное частью 1 статьи 303 УК РФ, характеризуется как преступление небольшой тяжести, приготовление к его совершению, основываясь на положениях ч. 2 ст. 30 УК РФ, вообще исключает уголовную ответственность. В доктрине имеет место подход, согласно которому, например, подделка документов, а также других материальных объектов, которая послужила основанием для возбуждения уголовного дела, равно как и факт фальсификации отказа в возбуждении уголовного дела не могут образовывать состав преступления, предусмотренного ч. 2 или ч. 3 ст. 303 УК РФ. Данный вывод, как правило, обосновывается тем, что в таких случаях отсутствует само уголовное дело [5]. При этом сложно согласиться с тем, что не влечет уголовной ответственности фальсификация документов, которые используются при принятии решения об освобождении лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75-78 УК РФ, по крайней мере, если такое решение

принимается в рамках уголовного дела, которое уже возбуждено.

Касаемо фальсификации доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ) следует указать на сложности, возникающие в связи с необходимостью отграничения указанного состава от подделки официальных документов. Отметим, что данное преступление предусмотрено статьей 327 УК РФ. С точки зрения Ю. В. Щиголева, которую мы разделяем, подделка официальных документов для последующего их использования как доказательств по гражданскому делу, должна влечь ответственность по статье 303 УК РФ [8]. Такие случаи являют собой конкуренцию общей и специальной нормы, то есть специальной нормой отменяется действие общей. При этом если имели место одновременно фальсификация документов, использованных в качестве доказательств, а также их подлог, но подлог при этом предшествовал использованию сфальсифицированных документов в судебном процессе, то данные действия следует квалифицировать в совокупности.

Следует отметить, что до настоящего времени не до конца изученным остается вопрос квалификации действий лица, которое подделало документ, в итоге не содержащий ложных данных. Например, лицом сфальсифицирован официальный документ, что по факту является преступлением, ответственность за которое предусмотрена статьей 327 УК РФ. В то же время, данные, указанные в документе, в полной мере соответствуют действительности. После этого данный документ представляется в судебный процесс, чтобы подтвердить позицию того или иного участника, после чего судья приобщает его к делу. В данном случае неясно: имеет ли место состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, учитывая, что в сфальсифицированном документе не содержатся ложные сведения.

На практике подделка любых документов, предоставление их в судебный процесс с последующим приобщением к делу квалифицируется как фальсификация доказательств, вне зависимости от того, являются ли сведения, содержащиеся в нем, ложными или достоверными. Следует отметить, что ни мотивы, ни цель фальсификации никак не влияют на квалификацию деяния по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Гораздо важнее, на наш взгляд, то, что лицом, совершившим его, осознавался сам факт подделки доказательств и их дальнейшее использование. В этом смысле непосредственно фальсификация - это любая подделка, искажение документа, приводящие к искажению его первоначального вида (посредством создания копии без оригинала, подделки подписи, всевозможных исправлений и т. п.).

Рассмотрим следующий пример. В ходе судебного заседания по иску к Г. об истребовании имущества из чужого незаконного владения Р., которая выступала в роли лица, участвующего в деле, умышленно приобщила к материалам дела сфальсифицированное доказательство для того, чтобы подтвердить свои материальные затраты. Она представила в судебный процесс через своего представителя Н. два товарных чека. Данные чеки она

подделала путем заполнения пустых бланков и подделки подписи предпринимателя М. На предварительном следствии, а также в судебном процессе Р. не отрицала, что данные чеки были подделаны ею. При этом обвиняемая утверждала, что представленные в суд чеки не содержат ложных сведений, а лишь подтверждают факт покупки товара, которые она на самом деле приобрела в торговой точке, принадлежащей предпринимателю М.

Свои действия обвиняемая объяснила тем, что потеряла оригиналы. Помимо этого, Р. сослалась на то, что подделанные чеки суд не положил в основу решения по данному делу, а, следовательно, в её действиях нет состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 303 УК РФ.

Однако, согласно приговору Амурского городского суда Хабаровского края от 11.06.2018 г. по делу № 5467-12/Г Р. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ [6]. В данном случае суд правильно квалифицировал действия Р.

Тот факт, что подделанные товарные чеки на легли в основу судебного решения и содержали достоверные данные, роли не играют и на юридической оценке деяния не отражаются, поскольку состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, формальный. Это означает, что наступления каких-либо вредных последствий в этом случае не требуется.

Следует отметить, что на практике фальсификации доказательств часто сопутствует мошенничество либо покушение на мошенническое завладение чужим имуществом. Например, это имеет место в случае предоставления в суд субъектом, действующего с корыстной целью, сфабрикованных документов, подтверждающих факт задолженности или каких-либо неисполненных имущественных обязательств у ответчика. При этом он вводит суд в заблуждение, утверждая, что имеет определенные права на данное чужое имущество, фактически пытаясь использовать судебный орган в качестве одного из звеньев в механизме мошеннических действий, нанося тем самым ущерб интересам правосудия. Считаем, что такие действия должны образовывать совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 и 159 (30, 159) УК РФ. В то же время, как показывает практика, суды без достаточных оснований зачастую характеризуют фальсификацию как способ мошенничества и исключают из обвинения статью 303 УК РФ.

При этом фальсификацию доказательств важно отграничивать от служебного подлога, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 292 УК РФ. Главное отличие указанных составов заключается в объекте преступного посягательства. В случае служебного подлога в качестве такового выступают интересы государственной власти (государственной службы), а также предмет преступления (при служебном подлоге – официальный документ). Помимо этого, в качестве обязательного признака состава служебного подлога, в отличие от фальсификации доказательств, выступает специальная цель данного деяния, которую образует корыстная либо иная личная заинтересованность. Отличается и субъект фальсификации доказательств и служебного подлога. При совершении служебного подлога субъектом преступления выступают

должностные лица, государственные служащие или служащие органов местного самоуправления, которые должностными лицами не являются.

Как показывает судебно-следственная практика, судам нередко приходится устанавливать либо опровергать совокупность фальсификации доказательств и служебного подлога. Данное утверждение проиллюстрируем конкретными примерами.

Пример 1. Из материалов дела следует, что следователь прокуратуры города Н. Новосибирской области сфальсифицировал заключение судмедэкспертизы вещественных доказательств, а также несколько протоколов следственных действий. В их числе: протокол допроса свидетелей и обвиняемых, обыска, осмотра места происшествия по уголовным делам, которые находились в его производстве. Суд квалифицировал действия следователя прокуратуры как фальсификацию доказательств по уголовному [11]. В то же время изготовление поддельного постановления о назначении экспертизы, а также постановления о производстве обыска и протокол разъяснения права на защиту и ознакомления обвиняемых с постановлением о назначении экспертизы суд квалифицировал как служебный подлог. Эти документы не являются доказательствами по уголовному делу.

Пример 2. Прокуратура г. Хабаровска возбудила уголовное дело против оперуполномоченного К. по ст. 292 УК РФ – служебный подлог. В ходе предварительного следствия было установлено, что К., являясь должностным лицом ОВД, выполняя свои должностные функции, произвел сбор первичных данных в связи с хищением имущества М. При этом, имея умысел на внесение в официальный документ заведомо ложных сведений, К. с целью повышения личных показателей раскрываемости преступлений, самостоятельно составил протокол принятия устного заявления о преступлении от имени М. Кроме того, К. подделал подпись М., на бланке заявления, которое является официальным документом, а также составил от лица М. объяснение, указав в нем заведомо ложные сведения о краже у М. сотового телефона в ресторане. Данные сфальсифицированные документы К. приобщил к материалам проверки, зарегистрированным в книге учета сообщений о преступлениях. В дальнейшем на основании протокола принятия устного заявления было возбуждено уголовное дело против С. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Однако производство по данному делу позже было прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – УПК РФ) в связи с отсутствием события преступления.

В данном случае имеет значение то, что уголовно-процессуальное законодательство, а именно статья 74 УПК РФ, относит протокол принятия устного заявления о преступлении к доказательствам по уголовному делу, а по смыслу части 2 статьи 74 УПК РФ – к иным документам. Отсюда следует, что по факту К. были внесены заведомо ложные сведения в официальный документ, и его действия следует квалифицировать одновременно и как

служебный подлог и как фальсификацию доказательства по уголовному делу.

Вследствие незаконных действий К. – С. подвергался незаконному уголовному преследованию [4]. Учитывая степень общественной опасности, действия К. могли квалифицироваться по части 2 статьи 303 УК РФ, но, не будучи субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, оперуполномоченный К. свои преступные действия реализовал в рамках проверки сообщения о преступлении.

Как показывает практика, судам гораздо сложнее квалифицировать действия должностного лица, фальсифицирующего протокол осмотра места происшествия для последующего вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. К примеру, следователь подделывает сведения в протоколе осмотра места происшествия, не отражая в нем реальных следов преступления, скрыв их присутствие на месте происшествия либо уничтожив. В данном случае имеет место укрывательство преступления и фальсификация доказательств. После обнаружения данного факта возможности закрепить имевшие место следы преступления уже не существует, а, значит, привлечь виновное лицо к ответственности вряд ли получится, что влечет тяжкие последствия с позиции части 3 статьи 303 УК РФ. В связи с этим возникает вопрос: как поступить в таком случае? Мы считаем, что квалифицировать такие преступные действия должностных лиц по статье 292 УК РФ нецелесообразно, поскольку в данном случае квалификация не будет соответствовать степени общественной опасности совершенного преступления.

Квалифицировать данные действия по части 3 статьи 285 УК РФ, имеющей больший карательный потенциал по сравнению с частью 3 статьи 303 УК РФ, нельзя, так как эта статья не отражает юридической природы содеянного. Получается, что и в случае фальсификации сообщения о первичной проверке, и в рамках уже возбужденного уголовного дела последствия по степени тяжести могут быть аналогичны (преступник избежит наказания).

Однако в случае фальсификации сообщения о первичной проверке действия виновного лица будут квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями (по ст. 292 УК РФ квалификация рассматриваться не будет). Во втором случае действия подпадают под ч. 1 ст. 303 УК РФ с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Из сказанного следует, что два аналогичных (с точки зрения их юридической природы) случая ситуации будут разрешаться совершенно по-разному. Полагаем, что это подтверждает необходимость нового подхода к квалификации деяний, связанных с фальсификацией доказательств.

Не менее сложны для практического разрешения вопросы квалификации действий должностных лиц по ч. 2 ст. 303 УК РФ, если подделанные ими доказательства по факту ложных сведений не содержат.

Пример 1. В ходе проведения следственных действий (допрос свидетеля) следователь подделал сведения в протоколе, сказав тем самым

его реальное содержание. В результате протокол допроса был дополнен данными, уличающими обвиняемого в совершении преступления. В данном случае действия следователя являют собой яркий пример фальсификация доказательств.

Пример 2. Являясь свидетелем по уголовному делу, А. сообщил следователю по телефону ранее не известные обстоятельства совершенного преступления. Объективные причины мешали следователю провести допрос свидетеля надлежащим образом. Он составил протокол дополнительного допроса свидетеля, зафиксировал в нем абсолютно достоверные сведения, не влияющие на существо дела, и подписал документ от лица свидетеля. В такой ситуации не ясно, как квалифицировать действия следователя: с одной стороны в уголовном деле нашли отражения «новые доказательства», в основе которых лежат новые факты, а с другой – они были изготовлены следователем самостоятельно. Этот случай демонстрирует смешение двух составов: фальсификацию доказательств и служебный подлог. Мы считаем, что такая ситуация есть не что иное как фальсификация доказательств, поскольку в этом случае следователь подменил реальные доказательства – мнимыми, пусть и достоверными по отношению к реальным фактам.

Пример 3. Расследуя уголовное дело, следователь произвел следственное действие в виде осмотра предметов (орудия преступления). Уголовно-процессуальный закон требует проводить такие действия в присутствии двух понятых, но следователь пригласил только одного. В результате данного следственного действия объективные данные следователем искажены не были. После завершения осмотра был составлен протокол, который подписал приглашенный понятой, а вместо второго понятого подпись поставил сам следователь. Данным действием следователь нарушил процессуальную форму закрепления доказательств в протоколе следственного действия. Обнаружение такого факта влечет недействительность протокола, он признается недопустимым доказательством. Однако остается не ясным: имеет ли место в данном случае состав преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ?

В научной литературе высказывается мнение, что такого рода действия следует квалифицировать как фальсификацию доказательств по уголовному делу, поскольку общественная опасность данного деяния высока, оно может привести к оправданию лица, совершившего преступление. Квалификация данного деяния как служебного подлога недопустима [7].

Вместе с тем, как показал проведенный анализ, подобные действия должностных лиц неоднозначно квалифицируются на практике. К примеру, при рассмотрении одного из дел Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РФ было дано следующее разъяснение: фальсификация доказательств, по смыслу ст. 303 УК РФ, представляет собой любое деяние, исказившее суть, объем, внешний вид, вес и другие характеристики доказательства, что создало препятствие для полного и объективного рассмотрения дела. Однако мы считаем, что формулировка, предложенная Верховным Судом РФ, не устраняет всех сомнений, возникающих при

квалификации действий лица по ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Кроме того, полагаем, что если бы Верховный Суд РФ, формулируя понятие фальсификации, определил ее только как «любое искажение сути, объема, внешнего вида, веса и других характеристик доказательств», то проблема тем самым могла бы быть решена. Полагаем, что добавление к указанному предложению фразы «создает препятствие для полного и объективного рассмотрения дела» позволяет двояко толковать возможность применения такой рекомендации на практике.

Получается, что если искажающие информацию данные не создали препятствий для полного и объективного рассмотрения дела, к примеру, как в случае с подделкой подписи, то состава фальсификации нет. Однако нельзя не отметить, что согласно Конституции РФ *любое* выявленное искажение или подделка доказательства должны признаваться недопустимыми и исключаться из доказательственной базы. Заметим, что в данной конституционной норме нет ни слова о степени влияния фальсифицированного доказательства на объективность и полноту рассмотрения дела. Изначально любое искажение информации подразумевается как недопустимое и подлежащее исключению из доказательственной базы. Отсюда мы делаем вывод, что в судебной практике фальсификация доказательств – *любое действие*, вследствие которого были искажены суть, объем, содержание, вес и другие характеристики доказательств, вне зависимости от степени влияния на полноту и объективность рассмотрения дела. Считаем, что данное определение, а также соответствующий подход к интерпретации фальсификации доказательств наилучшим образом способствуют четкому, бескомпромиссному соблюдению процессуальной формы в процессе доказывания.

Анализируя проблемы квалификации деяний по статье 303 УК РФ, нельзя обойти вниманием проблемы отграничения фальсификации доказательств по уголовному делу и злоупотребления должностными полномочиями. Так, в ходе расследования уголовного дела следователем прокуратуры К. были произведены действия, направленные на принуждение лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого к подписанию незаполненных бланков постановления о привлечении в качестве обвиняемого, протокол допроса обвиняемого и иных процессуальных документов. Осуществляя данные действия, следователь прокуратуры К. рассчитывал позднее внести в протокол текст, который бы его устраивал. Тем самым он совершил противоправные действия, избавил себя от «лишней» работы, которую следовало провести для объективного, полного и всестороннего расследования уголовного дела. Однако материалы уголовного дела у него изъяли.

В данном случае состава преступления в действиях следователя прокуратуры Чулымский районный суд Новосибирской области не усмотрел, поскольку следователь внести в протокол фиктивных доказательств не успел, а, значит, состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, его действия не образовали. Однако, мотив совершения данного преступления, а

также тот факт, что им были существенно нарушены законные права потерпевшего на защиту, в том числе гарантированные Конституцией РФ, следователь прокуратуры К. был привлечен к уголовной ответственности и осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ [10].

Судебной практике известны случаи, когда одновременно должностным лицом совершались и фальсификация доказательств, и взяточничество. В таких случаях действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 (или частью 3) статьи 303 и статьи 290 УК РФ – получение взятки. В таких случаях в обязательном порядке имеет место квалифицирующий признак – получение взятки за незаконные действия (часть 3 статьи 290 УК РФ).

В отдельных случаях имеет место совокупность преступлений, предусмотренных частью 2 или частью 3 ст. 303 УК РФ, статьи 300 либо статьи 299 УК РФ. Это имеет место, если фальсификация доказательств производится с той целью, чтобы обосновать незаконное процессуальное решение (постановление о прекращении уголовного дела, либо производства по делу в отношении конкретного подозреваемого или обвиняемого).

В судебной практике имеют место случаи, когда фальсификация доказательств совершается должностным лицом с целью незаконного освобождения от уголовной ответственности. В данном случае действия виновного лица квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 300, частью 3 статьи 303 и частью 1 статьи 285 УК РФ. Так, следователь Калининского РОВД г. Новосибирска. М. в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в связи с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, несмотря на наличие доказательств, подтверждающих причастность подозреваемого к содеянному, из личных побуждений вначале незаконно приостановил предварительное следствие, после чего сфальсифицировал протокол допроса потерпевшего, искажил реальную картину происшедшего, а затем незаконно прекратил дело [9].

Анализ судебной практики показал, что суды устанавливают факт фальсификации доказательств по уголовному делу, основываясь на вступившем в законную силу обвинительном приговоре, в рамках которого факт фальсификации подтверждается, и она считается реально допущенной. Однако, на практике нередки случаи, когда фальсификация доказательств имеет место и по делам, расследование которых в последствие прекращается либо приостанавливается. Полагаем, что в случае, когда имеет место формальная конструкция анализируемого преступления, должна устанавливаться уголовная ответственность не только за применение способов искажения либо сокрытия истины, охватываемых термином «фальсификация доказательств», но и за применение иных способов искажения содержания либо формы доказательств с аналогичной целью. Также мы считаем, что должна быть предусмотрена ответственность за отказ либо уклонение от процессуального закрепления полученных фактических данных или от приобщения к материалам дела документов, имеющих доказательственное значение. Данная рекомендация основана на высокой

общественной опасности такого рода деяний, а также обоснована отсутствием в норме ст. 303 УК РФ указания об ответственности за их совершение. Как показывает практика, доказать прямой умысел на совершение подобных действий достаточно сложно. В то же время, закрепление в уголовном законе ответственности за уничтожение или сокрытие доказательств, по нашему мнению, необходимо, в том числе, путем включения данных действий в понятие фальсификации доказательств. Такой подход нашел отражение в статье 289 Уголовного кодекса Латвийской Республики, где предусмотрена уголовная ответственность, как за создание заведомо ложных, так и за сокрытие имеющихся доказательств.

Учитывая все вышеизложенное, для разрешения проблем квалификации преступлений предусмотренных ч.ч. 1,2,3 ст. 303 УК РФ, мы предлагаем:

а) фабрикацию доказательств, которые по разным причинам не были приняты судом и не рассматривались в качестве доказательств, квалифицировать по ч. 1, 2 ст. 303 УК РФ, как в полной мере образующие состав рассматриваемого преступления;

б) действия по фальсификации документов, используемых при принятии решения об освобождении лица от уголовной ответственности на основании ст. 75–78 УК РФ (в рамках уже возбужденного уголовного дела) квалифицировать по ч.2,3 ст. 303 УК РФ;

в) фальсификацию доказательств по гражданскому делу, сопряженную с мошенничеством или покушением на мошенническое завладение чужим имуществом квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 и 159 (30, 159) УК РФ;

г) фальсификацию должностным лицом доказательств по уголовному делу, обусловленную получением взятки (при наличии квалифицирующего признака – получение взятки за незаконные действия), квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 (или ч. 3) ст. 303 и ст. 290 УК РФ;

е) установить в ст. 303 УК РФ ответственность:

– за фальсификацию доказательств по делу, расследование по которому в дальнейшем прекращается или приостанавливается, поскольку это не противоречит формальной конструкции рассматриваемого состава преступления;

– за отказ либо уклонение от процессуального закрепления полученных фактических данных или от приобщения к материалам дела имеющих доказательственное значение документов;

– за уничтожение или сокрытие доказательств (по примеру латвийского законодателя).

К сказанному добавим, что в июле 2020 года на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации и Верховном суде Российской Федерации стоял вопрос: признать или не признать фальсификацию доказательств особо тяжким преступлением. В итоге законопроект № 990766-7 «О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации» не был принят.

Федерации в части усиления ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности» был отклонен. Ключевой аргумент против его принятия звучал так: фальсификация доказательств не должна ставиться в один ряд с убийствами или государственной изменой. Не отрицая данного утверждения, все же хотелось бы заметить, что, к сожалению, практика подделки показаний фигурантов уголовных дел, а также сомнительные заключения экспертов и вымышленные свидетели получили весьма широкое распространение на практике. Мы считаем, что это требует соответствующей реакции судебной системы на подобные факты, а также диктует необходимость ужесточения санкций статьи 303 УК РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г. №243-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
4. Борков В. Сложность квалификации фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) // Уголовное право. 2009. № 2. С. 45-54.
5. Метельский П.С. Привлечение к ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 12-14.
6. Обзор судебной практики по рассмотрению апелляционных жалоб и представлений на решения районных судов Амурской области за 6 месяцев 2018 года URL: <http://www.oblsud.tsl.ru/ob/obgr.HTM>.
7. Скибинский А.В. Проблемные вопросы фальсификации доказательств URL: <http://www.prokuror-rostov.ru/news/3070.html>.
8. Щиголев Ю.В. Понятие и основные элементы подлога документов // Правоведение. 2019. № 5. С. 98-103.
9. Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска по уголовному делу № 1-669/2003 URL: <http://oktiabrsky.nsk.sudrf.ru/>.
10. Решение Чулымского района суда Новосибирской области по уголовному делу № 1-40-2017 URL: <http://chulymsky.nsk.sudrf.ru/>.
11. Решение Новосибирского областного суда по уголовному делу № 2-31-2018 // Обзор судебной практики по уголовным делам Новосибирского областного суда за 4 квартал 2018 г. URL: <http://oblsud.nsk.sudrf.ru/>